

произведенія гр. Л. Толстого») — нравственную идею романа, этическій характеръ и духъ его тенденці... Помню, затѣмъ, какъ изъ «думской» рѣчи того-же гр. Толстого выписывали, запоминали и заучивали лишь конецъ ея — мѣсто «эстетическое» раза excellence: «пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ — это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы, по дурацки, по мужицки, по крестьянски, по христіански налегнемъ народомъ, не поднимемъ-ли. Дружнѣй, братцы, разомъ!..» Фраза, дѣйствительно, красавая и эффектная, но въ то время какъ для самого гр. Толстого она, навѣрное, менѣе всего имѣла значенія передъ остальюо его рѣчью, была невольною, такъ сказать, данью тѣмъ еще крѣпкимъ въ насъ требованіямъ, съ которыми, мы, люди XIX вѣка, подобно древнему Израилю, обращаемся къ своему пророку: «говори намъ *приятно* и мы станемъ тебя слушать» — для другихъ, для насъ, она, эта пышная фраза, получила значеніе *piéce de résistance* всей рѣчи, ея сути, а за остальную ея часть намъ, какъ и слушавшимъ ее «думцамъ», стало, вѣроятно, «не ловко», не по себѣ....

И такъ, возвращаясь къ поставленному вопросу о характерѣ «противопоставленій» гр. Толстого, дѣлаемыхъ имъ въ своихъ произведеніяхъ, мы должны признать за ними, дополняя недосказанное гр. Толстымъ-эстетикомъ позднѣйшими его признаніями, — характеръ исключительно *субъективный*. Дѣло въ томъ, что гр. Толстой, подобно Гоголю, приближалась уже въ зреломъ возрастѣ къ своему этическому «самообрѣтенію», такъ же какъ и послѣдній, началъ смышливать субъективную область своей внутренней, этической дѣятельности съ эстетической, обративъ самое творчество въ *средство*, перенося *во вни*, въ своихъ героеvъ субъективный моментъ собственного развитія, на которомъ заставала его та или иная стадія этого послѣдняго.